

Олег Овчинников

Фантазия для винтовки с оптическим прицелом



Олег Овчинников

**Фантазия для винтовки
с оптическим прицелом**

«Автор»

2002

Овчинников О. В.

Фантазия для винтовки с оптическим прицелом /
О. В. Овчинников — «Автор», 2002

«Странно, я совсем не помню себя раньше девяти лет. Ведь было же что-то... Детство. Игрушки. И одна – самая любимая. Это, наверное, был тигренок, желтый, в черную полоску. С глазами-пуговичками и носиком-кнопкой. С очень длинными и очень колючими усами из проволоки. Но не плюшевый, ради бога не плюшевый! У него твердая основа – пластмасса или даже дерево, обтянутая мягкой двуцветной замшей. Его можно взять с собой в постель на ночь, но нельзя положить под голову вместо подушки, как это делают другие дети со своими игрушками. Зато из разорванных швов не выпирает вата или поролон, мой тигренок твердый. Так он кажется настоящим. Вот теперь я окончательно вспомнил: это слово я придумал, когда проснулся однажды утром один, без тигренка, и вдруг понял, что его никогда и не было...»

© Овчинников О. В., 2002

© Автор, 2002

Олег Овчинников

Фантазия для винтовки с оптическим прицелом

Немного ранее

Странно, я совсем не помню себя раньше девяти лет. Ведь было же что-то... Детство. Игрушки. И одна – самая любимая. Это, наверное, был тигренок, желтый, в черную полоску. С глазами-пуговичками и носиком-кнопкой. С очень длинными и очень колючими усами из проволоки. Но не плюшевый, ради бога не плюшевый! У него твердая основа – пластмасса или даже дерево, обтянутая мягкой двуцветной замшей. Его можно взять с собой в постель на ночь, но нельзя положить под голову вместо подушки, как это делают другие дети со своими игрушками. Зато из разорванных швов не выпирает вата или поролон, мой тигренок твердый. Так он кажется *настоящее*. Вот теперь я окончательно вспомнил: это слово я придумал, когда проснулся однажды утром один, без тигренка, и вдруг понял, что его никогда и не было, он присутствовал только в моих снах, и я так безнадежно и громко заплакал, что прибежала воспитательница и сказала: вот же он, он просто упал под кровать, и вытащила тигренка за хвост, а я схватил его, обнял за шею и потом никак не мог отпустить, даже когда позвали на завтрак, но взять тигренка с собой мне не разрешили, и тогда я до крови уколол себе указательный палец о его проволочный ус, чтобы запомнить: У Меня Есть Тигренок. На завтрак была манная каша, слишком сладкая. А кровь на пальце была слишком соленая и все капала, капала...

Да, у меня была воспитательница. Воспитатели. Заботливые и опытные. Они следили, чтобы я всегда хорошо ел и во время дневного сна держал руки под одеялом. Чтобы не простыть. Они научили меня читать и писать, считать и чему-то еще. Я пока не могу вспомнить, но должно же быть что-то еще...

А по выходным – у меня был любящий отец, возможно, даже мать. Конечно! У меня была мать, очень красивая и добрая. И молодая. Когда она приходила, я видел, как черной завистью вспыхивают глаза моих соседей по детству. И мне было приятно. Она берет меня на руки, прижимает к себе, так что мой нос упирается ей в щеку, и говорит: не бойся, ну что ты боишься, разве мама может тебя уронить, мама любит тебя, она никогда тебя не уронит...

У нее короткие черные волосы. Нет, длинные светлые волосы, прямые и мягкие. Так *настоящее*, потому что у меня такие же. Ее локон щекочет мне ухо, когда она шепчет:

– Милый, ну какой же ты милый, сто тридцать одна тысяча четыреста четырнадцатый...

16:00

Так бывает всегда. Лезешь вон из кожи, чтобы прийти в себя, строишь из песка Эйфелеву башню, которая оказывается Пизанской в последней стадии, закрываешь глаза ладонями, пытаешься спрятаться от реальности, но реальность находит тебя, звонит по телефону, стучится прикладами в дверь. Приходится открывать.

– Простите, что?

– Сто тридцать одна тысяча четыреста четырнадцатый – это вы?

Они все же нанесли удар первыми. Точнее, пока только попытались нанести, но на их стороне – явное численное преимущество, а на моей... Я еще никогда не пробовал выступать перед большой аудиторией. Жаль.

Четверо снурков. Четверо внушительных размеров громил, к тому же, неплохо вооруженных. Вполне достаточно, чтобы арестовать одного человека. Обычного человека.

Тот, что обратился ко мне с вопросом, – явно старший в этой команде, судя по двойной нашивке на шевроне. Кроме того, он единственный в группе, у кого нет автомата. Только пистолет в небрежно расстегнутой кобуре.

– Да.

– Вы арестованы.

Как? Что они знают? Чего опасаются? Почему? Неужели я все-таки провалил тесты? Чересчур расслабился, уверовал в собственную непогрешимость и, как результат...

Вопросы умирают за миг до рождения, гаснет возбужденный блеск в глазах. У меня богатейший опыт по усмирению эмоций.

– Могу я узнать, за что? У вас есть ордер?

– Я не так выразился, – здесь ему надлежало бы кашлянуть в кулак и смущенно опустить глаза, но куда там! – Скорее задержаны. В профилактических целях.

Нужно выбираться. Любыми средствами. Я слишком долго медлил, обдумывал, решался, взвешивал. Если поставить на чашу весов человека, весы становятся качелями. Смешно.

Время кончилось. Время началось. Кстати, сколько сейчас?

– Вы не подскажете, сколько сейчас?

Взгляд исподлобья, выдох сквозь зубы – в этом что-то есть. Пальцем в десятку?

– 16:04.

– Постойте, но ведь я не могу пропустить...

– Не беспокойтесь, у нас достаточное количество мониторов.

Сдвоенное моргание. Вот оно! Неужели они боятся, что я... Да нет, это же сумасшествие! Непрямое воздействие, никакой обратной связи... Определенно – сумасшествие, но... Надо будет обдумать.

– Хорошо. Вы не будете против, если я надиктую сообщение своей супруге?

Блеф, причем легко проверяемый. Нужно было как-то отвлечь их внимание, но не было времени выдумывать правдоподобную ложь. На мое счастье, ни у кого из снурков тоже не нашлось времени, чтобы хотя бы пролистать мое досье.

Нет, они не против.

Распечатываю новую кассету, вставляю ее в диктофон, отматываю немного вперед.

Окидываю сентиментальным взглядом свое убогое жилище. Запомни меня, мой дом! Я тоже запомню тебя, но, боюсь, очень скоро забуду. А потом снова вспомню, и так повторится неоднократно, но каждый раз ты будешь разным, не таким, как прежде. Ибо постоянство гнетет меня.

Так что лучше запомни ты меня, пока я такой *одинаковый*.

Поворачиваюсь спиной к моим незванным гостям, включаю «запись».

– Это случилось... – негромко произношу я.

Делаю секундную паузу, расстегивая пуговицу на левом рукаве рубашки, и начинаю говорить быстро и уверенно...

16:08

Договариваю я уже для самого себя, просто по привычке доводить любое дело до логического абсурда.

Таймер диктофона высвечивает 2 минуты 14 секунд. Неплохой результат, хотя и далеко вато до рекорда – 1:24.

Впрочем, снурки и должны отличаться хорошей подготовкой. Это им *свойственно*.

Перешагиваю через труп старшего снурка. Мне кажется, он закончил свою жизнь, пребывая не в самом лучшем расположении духа. Аминь.

Склоняюсь над телом в почти ритуальном поклоне, вынимаю из кобуры пистолет. Он оказывается неожиданно тяжелым, рельефная рукоятка сидит в руке вовсе не так удобно, как мне почему-то *предполагалось*. Бросаю пистолет на пол, он скользит по ковру, трогательно утыкается дулом в бок хозяина. Преданность.

Подозреваю, что я все равно никогда не смог бы выстрелить из него в живого человека.

Запечатываю кассету в конверт, надписываю адрес. Двухзначное имя адресата – какая роскошь! Недоцелованный конверт падает в ячейку пневмопочты. Лети.

Спускаюсь по лестнице, говоря «прощай» каждой второй ступеньке, выхожу из дома.

У самого входа стоит 1400-я. Таковую могут позволить себе только снурки.

Я не люблю рисковать, но разве у меня есть выбор? Отнимите у Буриданова осла возможность выбирать – и он умрет от счастья. Сатира.

Открываю дверцу и небрежно приземляюсь на сиденье рядом с водителем. Он окидывает меня спокойным, скучающим взглядом, возможно, немного презрительным, но не более того. Отлично! Значит, мое фото получили только оперативные сотрудники. Что ж, вполне логично.

Дверца почти беззвучно захлопывается.

– Поехали, – командую я.

– Куда?

– Сначала прямо, до пересечения с 72-й, потом я скажу.

– А ты уверен, что у тебя хватит денег, чтобы расплатиться?

– Мне не понадобятся деньги, – признаюсь я, приковывая себя к сиденью ремнем безопасности. – Вместо этого я расскажу тебе одну историю. Это случилось шестнадцать лет назад. Мне было тогда двенадцать... Какого черта! Мне было всего лишь двенадцать!..

Губы водителя вздрагивают, он недоверчиво касается их пальцами. Как слепой.

16:13

– И знаешь, что самое обидное?..

Водитель не знал. Думаю, сейчас он едва ли сумел бы вспомнить даже последние шесть цифр своего имени.

Я не стал добивать его. Просто перетащил его огромную тушу на пол, за спинку сиденья, чтобы не мешала. А еще – чтобы не видеть в зеркале заднего вида его лицо с застывшим на нем выражением гипертрофированного удовольствия.

Пусть лучше в нем отражаются машины преследователей. Не знаю, сколько их точно, мне пока видно только три.

Сзади смертельно раненым ведром взывает первая сирена. Почти одновременно начинает мигать красный огонек вызова на пульте внутренней связи.

Места для сомнений не осталось: за меня взялись всерьез. Путеводитель врет: дорога в ад вымощена *серьезными* намерениями. Вот она.

Поворот направо заблокирован двумя намертво сцепившимися бульдозерами. Танго.

Случайная авария или меня целенаправленно пытаются отрезать от центра города? В таком случае моя гипотеза может оказаться не такой уж сумасшедшей. Посмотрим...

Жаль, что я так и не научился по-человечески водить машину. Пока меня спасает узкая дорога и непрерывный поток встречных машин – ни поравняться, ни обогнать. Но что будет после выезда на 37-ю с ее шестиполосной магистралью?

И почему они не стреляют?

Резкий удар в затылок. Пунктирная разделительная линия сливается в сплошную. Капля жидкости стекает вниз по ремню безопасности. Слезы? Кровь? Неважно... Соль.

Цепкие толстые пальцы смыкаются на горле, начинают неумело, но очень старательно душить. Зеркальце отражает половину перекошенной яростью физиономии.

Обычный шок, не более того. От него редко умирают.

Дорога бесстыдно виляет влево. Одной рукой продолжаю удерживать руль, выправляя машину, другой пытаюсь разжать чужие пальцы, один за другим. Этот мышонок в норке сидит... Этот мышонок в поле бежит... Этот... мышонок зерно... оо-о! Нет, бесполезно!

– Самое обидное, – хриплю я из последних сил, – что даже когда мне развязали руки, я не смог... не нашел в себе сил... или ненависти, чтобы убить этих ублюдков.

Запоздалый выстрел проставляет последнюю точку. Гул в голове все равно перекрывает звон осколков разбитого заднего стекла.

Будем считать, что водителя убила случайная пуля. Так проще.

Хватка *мертвец*, ослабевает, пальцы разжимаются. Воздух.

Еще несколько пуль пытаются воспроизвести мой силуэт трещинками на лобовом стекле. Падаю вправо, растекаюсь по сиденью, левая рука срослась с рулем. Симбиоз.

Видимость отрицательная. Если дорога сейчас уйдет в сторону, мне с ней не по пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.